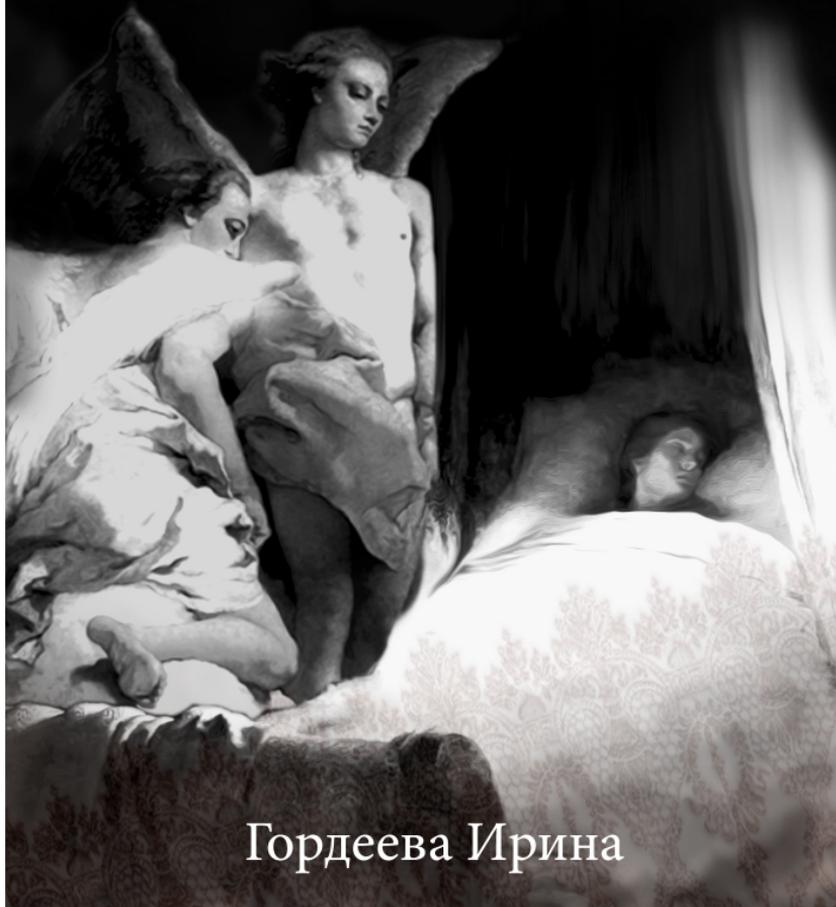

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Гордеева Ирина

Ирина Гордеева

Между жизнью и смертью

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19389803
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Юлия Александровна Харитонова – опытный врач-реаниматолог, иногда слышит в своей голове «голоса», которые спорят о судьбе тяжелых больных. Один такой разговор дает ей повод засомневаться, была ли смерть брата главного мафиози города естественной. Сюжетная линия превращается в запутанный детектив и одновременно любовный роман главной героини. Распутать хитроумный план преступника под силу только медику. Сюжет родился во время песни Светланы Копыловой «Разговор Жизни и Смерти» и, безусловно, наводит на философские рассуждения о смысле жизни. Произведение предназначено для людей думающих, любителей детективов, любителей романтических произведений. Кроме этого, для верующих людей, которые могут спокойно читать эту книгу, не боясь увидеть слово «Бог» с маленькой буквы.

Ирина Гордеева

Между жизнью и смертью

Бывают дни, когда небо становится, как сито, которое не способно удерживать накопившуюся влагу. В такие дни везде идет дождь. Погода плачет. Быть может, она плачет, скорбя по кому-то из усопших... Никто этого точно не знает. Все запасаются зонтиками и ныряют в этот океан брызг, несущихся сверху. Как раз в такой день в диаметрально противоположных районах Москвы хоронили двух мужчин.

Первый из них был известным пластическим хирургом, настоящим талантом в своем прибыльном ремесле. Он начал разрабатывать эту золотиносную жилу одним из первых в столице, и теперь его клиника приносила огромный доход. Хотя говорят, что пластические хирурги – довольно опасная профессия, что они долго не живут, потому что много знают... Но он умер по естественной причине. Так свидетельствовал протокол вскрытия.

– Подумать только, – плакала супруга покойного (уже пятая по счету), красавица-блондинка, бывшая фотомодель, – еще на прошлой неделе мы купались в Атлантике. Все было хорошо. Он ни на что не жаловался...

– Да, инфаркт – коварная вещь, – успокаивала ее мать, – ну, что же делать... Хирурги вообще долго не живут.

Второй мужчина был внешне противоположностью пер-

вого. Он был грузным, лысоватым, но довольно состоятельным человеком, депутатом и, по слухам, крышевал чуть ли не половину наркоторговцев Москвы, пытаясь создать самый крупный наркотрафик с южных регионов на север. Он тоже вернулся недавно с южных морей, и, в принципе, особо ни на что не жаловался. Вот только последние три дня сердечко шалило.

И тут, и там были пышные похороны. И тут, и там – смертный диагноз был один и тот же – инфаркт миокарда. Соболезнования были составлены из одних и тех же слов и выражений: «так рано ушедший», «слишком молодой», «еще бы жить да жить», «покинул нас во цвете лет».

Но, приходя, смерть не смотрит на твой возраст, общественное положение, состояние, связи, твои планы и мечты. Перед ней все равны. Она приходит – и случается инфаркт, она стучит – и разбивает инсульт. Хотя иногда это лишь видимость, а истинное положение вещей куда более сложное. И чтобы прикрыть истину этой видимостью, кое-кто выложил немалые деньги. Но какая разница, по большому счету, отчего ты умрешь? И кто будет копаться, чтобы найти истинную причину твоей смерти? Ведь в нашей стране смерть от «сосудистых катастроф» стоит на первом месте.

Однако нет ничего тайного, чтобы не стало явным...

Мужчина сидел в кожаном кресле и курил. Недавно он вернулся из Москвы. Командировка была удачной. Он

успешно продемонстрировал свой метод. Вокруг на столе лежали кипы бумаг. Работа кипела. Наконец-то, его детище стало приносить доход. Это радовало, но хотелось большего. Он слишком медленно шел к своей цели. А цель жила на другом континенте и горя не знала. Окружила себя охраной, купалась в миллионах, меняла любовников и даже не подозревала, что за все надо платить. Что жизнь так устроена – однажды совершенное зло прилетит бумерангом в твой огород. А иногда метатель бумеранга попадаетея очень меткий, он целится даже не в огород... И его желание отомстить столь велико, что оно сокрушает все на своем пути. Кто сказал, что месть это блюдо, которое стоит подавать холодным? Мечь – это постоянно тлеющий уголь в сердце, который готов разгореться в любую минуту и стать пожаром. Нужно просто ждать, когда судьба подарит тебе такую возможность...

И, кажется, судьба улыбнулась. И даже дважды. Первый раз, когда появились клиенты на его раритетную продукцию. Второй – его отношения с Ланой. Хотя вторая улыбка вполне могла оказаться усмешкой. Он просто играл с огнем. «Но что такое жизнь, – подумал про себя мужчина, – как не игра со смертью?». Порой он ощущал себя карающим мечом возмездия, вынужденным делать зло, восстанавливая справедливость. Порой – неким серым кардиналом, получившим власть над миром, чтобы, конечно, улучшить его. В любом случае, он был лучшим из лучших, умнейшим из умных, хитрейшим из хитрых. И он победит зло. Свое конкретное

зло, упавшее на него пятнадцать лет назад. Для этого ему нужен всего-навсего один миллион долларов. Такая мелочь. Часть этой суммы он уже собрал, а часть он заработает очень скоро. Он положит эти деньги на пять названных ему счетов одинаковыми суммами. После этого заказ будет исполнен в течение недели.

Он взял стоявшую на столе фоторамку с выцветшей фотографией красивой женщины в шляпе с большими краями. Она улыбалась, а в руках ее были розы. Он поцеловал фотографию и поставил бережно на место.

– Все будет хорошо, мамочка. Я тебе обещаю.

Больница. Реанимация.

– Быстрее, Юль Санна, быстрее! Интубируй!

В такие минуты ей всегда хочется плакать. Но ее работа не терпит слезы. Поэтому Юлька по утрам густо красит свои ресницы, что мешает слезотечению по понятной причине.

– Так. Фиксируй. Дышим!

– Пульс! Его нет!

– Давай непрямой массаж.

– Лариска! Где тебя носит?

– Бегу, Сан Саныч!

– Адреналин делаем? – спросил не очень трезвый Петрович. Но это никогда не мешало ему быть идеальным реаниматологом.

– Да, быстрее! Время! Ну, живи, живи, миленький. Еще

молоденький на тот свет. Живи!

– Юля! Сколько у нас еще времени?

– Минута-две максимум.

– Ну, что ж ты, миленький! Давай, живи! Готовьте дефибрилятор.

И опять в самый критический момент она слышит этот непонятный спор. «Глюки пришли», – проносится в голове.

– Ему всего-то тридцать пять. Молоденький. Неужели все?

– Все.

– Он мамочку свою любит очень.

– Зато к отцу на похороны не пришел. Денег на лечение, когда тот просил, не дал. Пятая заповедь.

– Так ведь папочка их бросил в глубоком детстве, к другой ушел.

– Неважно.

– У него детишек двое...

– От разных жен. И ни с одной не живет. Шефа подставил. Засадил в тюрьму. Он там помер. Женился на его жене. А теперь еще и с блондинкой в Испанию умотал.

– Он еще изменится...

– Шансов – нет. Ни единого. И вообще, не мы решаем участь...

Юлька очнулась на фразе шефа: «Оформляйте его, Юлия Александровна! Мы сделали все, что смогли. С Вами все в порядке?». Юлька выжала из себя улыбку: «Конечно», поду-

мав про себя: «Значит, помер». Петрович тут же начал рассказывать Лариске пошлый анекдот. Сан Саныч добавил, обращаясь к Юле: «Бледненькая ты что-то». «Все нормально, Сан Саныч».

В туалете, прячась ото всех, она вынула из кармана халата сверкающий блистер с мелкими голубыми таблетками и положила одну под язык. Она давно привыкла к этому ужасному полуживому, сонливому состоянию, наступавшему сразу после приема голубой таблетки. Просто нужно запить все это большой дозой кофе, и мир не погрузится во мрак.

Пилули ей регулярно выписывал закадычный друг детства, по совместительству психиатр Лева Бочков уже, почитай, пять лет. Диагноз «Шизофрения» Юлька поставила себе сама после того, как у нее появились глюки. Она пришла к Левке и потребовала ее вылечить. Лева развел руками и голосом диктора центрального телевидения сказал: «Мы все лечим, но ничего не можем вылечить. Ты же сама знаешь». Потом перешел на свои специфические анекдоты, которые знают только психиатры, да и понимают тоже только они. Посмеявшись противным дребезжащим смехом, он добавил ехидно: «А глюки тебе очень мешают?». Юлька разревелась. Последний довод был убедителен, и Бочков выписал два рецепта, сразу давая инструкцию: «Розовые утром, голубые на ночь. Гламурненько даже. Ну, и при глюках тоже голубенькую. Запомнила?». Юлька вырвала рецепты из цепких лапок Левушки и убежала в аптеку. С этого момента она постоянно

пила таблетки.

Из общения с родственниками умершего, она узнала, что у того, действительно, было двое детей от двух жен. Но с женами он не жил. А позавчера вернулся из Испании. «Смена климата, стрессы, – скороговоркой говорила Юлия Александровна, – плюс вредные привычки». Родственники кивали головой. Никто не плакал. Юля давно привыкла к таким разговорам с родственниками усопших. «Мы сделали все, что смогли. Примите наши соболезнования. Завтра вскрытие в 10 утра. В двенадцать все будет готово, можете хоронить». Она ужасно не любила эту печальную церемонию беседы с родственниками покойного, но Сан Саныч навесил на нее эту обязанность, как и многие другие, а сам в это время балдел в своем кабинете с самодельным баром и кондиционером.

Мужчина оторвался от плеча Ланы. Он совершенно не знал про старую заповедь: «Не возжелай жены ближнего своего». Не знал или забыл. Они уже полгода были любовниками. Это была опасная игра, если учесть, кем был муж Ланы. Но опасность только подливает огонь в котел страсти. Мужчина понимал, что все может раскрыться в любой момент. Поэтому он торопил ее. Лана боялась. И было чего. Но если все получится, а все должно получиться, то она станет свободной и очень богатой. Он тоже получит кое-какие бонусы. И сумеет реализовать свой план мести.

– Слушай внимательно, – сказал он, – я даю тебе два пузырька. Синий пузырек и красный. Синий ты будешь лить везде, откуда он может пить. Только потом все ликвидируй. Думаю, трех дней хватит.

– Он иногда не ночует дома...

– Поверь, после первой дозы будет ночевать. У него появятся кое-какие симптомы... На третий день с утра свози его в клинику, сделаете ЭКГ, сводишь его к кардиологу. Пошуми побольше, чтобы вас запомнили. Ему, может что-то назначат. Пусть покупает.

– Не понимаю... Зачем?

– Потом узнаешь. Ты просто делай, как я тебе говорю. Если все получится, мы уедем с тобой в Венецию. Ты хочешь в Венецию?

– Конечно. Там красиво.

– А вечером третьего дня дашь ему половину красного пузырька. Это безвкусная жидкость, добавь – куда хочешь. И все. Когда станет плохо – вызывай скорую. Она просто необходима.

– Не понимаю, зачем...

– Главную часть работы переложим на нашу медицину. Только не забудь избавиться от пузырьков. Целую тебя миллион раз.

– И я. Пока.

– Пока, будь осторожной!

Женщина встала и пошла, цокая каблучками. Мужчина

достал сотовый и нашел нужный номер.

– Здравствуйте, рад вас слышать. Помнится, мы говорили с вами о двух братьях. Начнем с младшего. Следите за новостями. Через три-четыре дня вы все поймете сами. Будет полная имитация банального инфаркта. Да. Все чисто и без хлопот. Цена такая же. И еще. Вы можете начинать осуществлять свой план. Вполне. Хорошо. Всего доброго. Через десять минут он оделся и тоже вышел только через другую дверь, которая вела в смежный кабинет. Он кивнул сотрудникам и отправился к своей машине. Война началась.

В детстве Юля зачитывалась произведениями Дюма, Конан Дойля и Агаты Кристи, Жоржа Сименона. Словом, была типичным советским ребенком, часто воображала себя королевой Марго и сожалела о своей нелюбви к Генриху Наваррскому, он нравился ей больше, чем обезглавленный любовник. Она рыдала, когда убивали Бюсси, и смеялась над проделками Шико. Но потом началась перестройка, подготовка в медицинский, учеба... Жизнь понесла ее по своей дороге все быстрее и быстрее. Вначале месяц был как месяц, потом он превратился в вопрос: «А что, уже тридцатое?», а теперь, когда Юльке минул сороковник, грозил уменьшиться до недели. Дни мелькали, работа была тяжелая, но она ее очень любила. Она была спасателем жизней – реаниматологом, работала в большой современной больнице и давно считала больницу своим вторым домом. Она не вылезала из

дежурств, всех подменяла, если было нужно, ведь семьи у нее не было, если не считать престарелых родителей, бывших учителей музыки. Но дочь не пошла по их стопам, хотя и окончила музыкальную школу. Медицина стала для нее всем.

Жила Юлия Александровна, как и прежде с мамой и папой, только заметно постаревшими, в той же самой хрущевке. Только вот внешне, конечно, это была уже не та тоненькая хрупкая девушка с огромными, как небо, голубыми глазами. Постоянные недосыпания на дежурствах, перекусы бутербродами и прочей дежурантской снедью испортили фигуру, но лицо почти не изменилось. Остался и этот полный наивности взгляд, потому что, по сути, она оставалась все тем же ребенком с книгой Дюма под подушкой. Да, надо сказать, она сходилась замуж. Ее брак длился менее суток. Обилие левого алкоголя, в котором впоследствии нашли примесь метанола, превратили свадьбу в похороны. Умер жених, свидетель и дядя жениха. Юлька рыдала неделю, хотя, положа руку на сердце, она толком не знала, зачем выходила за бывшего одноклассника-алкаша, наверное, для соблюдения приличий, чтобы не думали, что она старая дева. Или потому, что он – единственный, кто сделал ей такое предложение. От жениха-мужа ей осталась фамилия Харитоновна и обручальное кольцо.

На улице лил дождь. Она любила смотреть на это грандиозное действо, от которого почему-то становилось уютно на

душе. Шум дождя успокаивал и притуплял эту непонятно откуда взявшуюся тревогу последнего месяца. Юля сидела дома у окна в своей маленькой комнатке и анализировала свою жизнь. «Пол-второго ночи, а ты, дурочка, не спишь, – говорила она себе в своих непонятных, как кудри принцессы, мыслях, – ну и что, если теперь у нас работает этот Сластенин? Опять за старое?». Мишка Сластенин был любовью всей ее жизни. Бывший одноклассник, гордость и краса курса. Словом, фамилия говорила сама за себя. Когда-то они были настоящими друзьями, сидели вместе на занятиях, понимали друг друга с полуслова, делили последний бутерброд. Их роман на четвертом курсе закончился, еще не начавшись. Подружка перехватила инициативу. Юля вначале злилась, рыдала, а потом была даже благодарна ей, все равно судьба Сластенина училась не в медицинском. Он женился на первой красавице города, которая выиграла конкурс «Мисс чего-то там». «Ну и правильно», – думала Юля, – «такому мужику нужно первую красотку, а не таких, как я...». Она смахнула нечаянную слезу. «И что себя жалеть? Дура, просто дура. Еще и шизофреничка!».

Месяц назад Мишка перевелся работать к ним заведующим первым хирургическим отделением. Он встретил ее в коридоре и расцеловал. Юлька от неожиданности чуть в обморок не брякнулась. И теперь начались постоянные визиты в реанимацию под взглядами обалдевших коллег, всяческие знаки внимания, восторженные «А помнишь?». «Да, помню

я, все помню», – думала Юлька, – «и что? А сам все пялится на мой палец безымянный. Ну, почему он такой красавец? Нет, это было бы ужасно, когда муж – такой красавец. Любая позавидует – и нет его. Наверняка, у него куча любовниц. Ну, о чем я думаю? Балда! Он же женат. А что тогда зовет к себе в отделение анестезиологом? Нет, мир сошел с ума. И наш Петрович туда же. Жили себе, жили -10 лет вместе работаем. А он вдруг обнимать меня стал. Понимаю, вдовец. Уже полгода. Траур прошел, и его понесло. Надо мужикам бром выдавать. Особенно весной. В следующий раз я его тресну. Какую-нибудь книжонку потяжелее найду и тресну». Тут послышался шум, и на пороге комнаты появилась Юлькина мама:

– Ты что не спишь? Уже два часа ночи. А тебе завтра на работу. Ложись!

– Не волнуйся, мамочка, я утром кофе выпью и буду конь конем! Сама-то ты как? Новое лекарство помогает?

– Да, брызнула разок – и сразу получше. Спасибо тебе. На дождь у меня всегда приступы, а тут – нет. Слава Богу за все!

– Ты – если что – сразу зови. У меня все наготове – шприцы, кислородная подушка.

Мама Юли Вера Никифоровна страдала тяжелой формой бронхиальной астмы с частыми выматывающими приступами. Она мгновенно начинала задыхаться, находясь между жизнью и смертью, но ее выручала дочь. Она вводила лекарства, давала кислород, делала ингаляции, и приступ прохо-

дил.

– Спокойной ночи, дорогая! Ангела-хранителя! – мать нежно поцеловала свою дочку и пошла к себе.

– Спокойной ночи! – ответила Юля и, выпив голубенькую таблетку, легла. Дождь шумел, наполняя душу долгожданным покоем и дремотой. Она, конечно, ничего не говорила родителям о своей шизофрении и о Мишке Слостенине. Зачем их зря беспокоить?

«Конь конем» проспал и пил, вернее, пила обжигающий кофе большими глотками. На работу она все-таки опоздала. Сан Саныч попросил ее зайти и таинственным голосом сказал: «У нас, Юль Сання, ЧП. Да-да. Вам я доверяю всецело, поэтому расскажу все. Но информация конфиденциальная. Вчера в кардиологию поступила жена депутата Горь... Ну, в общем, депутата. Дежурила зеленая ординаторша. Вон, она рыдает за дверью. У больной букет всего. Ординаторша без сбора анамнеза вкатила ей сразу три укола. А у той аллергия почти на все. Анафилактический шок. Тетка впала в кому. Депутат сейчас приедет. Из Думы все время звонят. Главный уже в курсе, злющий! Займитесь этой больной и ординаторшой тоже. Терпеть не могу женские слезы».

Юлия Александровна кивнула и пошла выполнять задание. Вначале она налила валерьянки рыдавшей ординаторше Галине. Потом осмотрела жену депутата. Это была грузная женщина с рыхлым телом, отеками ногами и пока еще уз-

кими зрочками. Ее дыхание поддерживала аппаратура. «Все назначения правильные, только проку нет... Чем дольше она в таком состоянии, тем хуже прогноз!», – подумала Юлька, но Галю она приободрила: «Ничего, выкарабкается, не волнуйся!». Потом был пренеприятнейший визит главврача с визгами и брызгами слюны. «Теперь Гале и самой можно в реанимацию ложиться», – пронеслось в голове у Юльки. Галля выглядела очень бледной и напуганной. «Если она умрет – вы пойдете под суд!», – кричал главврач. – «И никогда больше не будете работать врачом! Никогда!». Когда он удалился со своей свитой, Юлия Александровна внезапно схватила Галю за руку и потащила из отделения.

– Пойдем, пойдем! Я знаю, кто нам поможет! – и они заспешили по аллее вверх. Там была маленькая больничная церковь. Отец Сергей приветливо встретил их на пороге церкви.

– Нам очень нужна Ваша помощь, батюшка! – выпалила Юлька.

Она познакомилась с отцом Сергием пять лет назад, когда в реанимации умирала его мать. Она умирала очень тяжело, то теряя сознание, то приходя в себя. Периодически бредила, а временами ее тело корежило в страшных судорогах. Батюшка все это время дежурил рядом с матерью в реанимации. Мать была некрещеной и неверующей, в прошлом коммунистка. Сын стал священником против ее воли. Долгие годы она с ним не общалась. И только после первого

инсульта простила сына, когда он стал ухаживать за ней. Конечно, он пытался убедить ее. Приводил кучу доводов, читал Евангелие вслух, рассказывал жития святых... Но все было тщетно. Мать не хотела креститься. Но для отца Сергия, который очень любил свою мать, мысль, что он будет хоронить ее не по христианскому обычаю, была как раскаленное железо. Он тогда буквально жил в реанимации, питался сухарями и водой, и постоянно молился. Юльке было его ужасно жаль. И вот наступил такой момент, когда он как будто бы сдался. Он подошел к матери, которая была без сознания, встал на колени и зарыдал. Он просил у нее прощения, за то, что был плохим сыном, что не умеет молиться, и тут мать очнулась. Один глаз ее был полуприкрыт, лицо перекошено, по нему текли крупные слезы. Она сама попросила покрестить ее. Отец Сергий, не веря своим ушам, заспешил готовить Таинство Крещения. Вот тут у Юльки и появились первые галлюцинации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.